

ВАЛЕНТИНА КОРОСТЕЛЁВА

## КАК ВОЛЬНАЯ СИЛЬНАЯ ПТИЦА...

1

Серый октябрьский день. В просторной аудитории Литинститута имени Горького относительная тишина. Вдруг в мои руки попадает небольшая книжка. Прилежная студентка (мамино воспитание), хочу передать сборник дальше, поскольку и фамилия автора почти не знакома. Но что-то заставляет заглянуть внутрь...

*В горнице моей светло.  
Это от ночной звезды.  
Матушка возьмет ведро,  
Молча принесет воды...*

Безыскусные, с горчинкой, и все-таки очень светлые строфы коснулись самого сердца... Переворачиваю страницу – и там о ней, малой родине, но уже и шире, и глубже:

*Тихая моя родина!  
Ивы, река, соловьи...*

И в том, как точно, с каким удивительным чувством меры повторялось далее слово “тихо”, уже был виден не только талантливый поэт, но и мастер. А строки ведут, и каждый глагол – сквозь сердце, и, наконец, как выдох:

*С каждой избою и тучею,  
С громом, готовым упасть,  
Чувствую самую жгучую,  
Самую смертную связь.*

Простые и пронзительные эти строки не дойдут разве что до человека, для которого не только поэзия, но и родина – пустой звук. Знал ли Николай Михайлович, тогда для большинства просто Коля, что в “самой смертной” связи с ним, поэтом, будут тысячи, а потом и миллионы людей – даже те, кто до сих пор смотрел на поэзию, особенно современную, свысока?!

Удивительно удачно, с большим тактом составлен сборник “Звезда полей”, вышедший в столице и сразу замеченный. Какой-нибудь недалекий ре-

дактор того времени, привыкший и стихи приводить к общему знаменателю, прошелся бы по рукописи жадным острым карандашом, и не было бы в книге таких, например, строк о родной деревне:

*За старинный плеск ее паромный,  
За ее пустынные стога  
Я готов безропотно и скромно  
Умереть от выстрела врага.*

– Как это, от выстрела врага – безропотно и скромно? – вопрошал бы он. Но к счастью Рубцова, да и нашему тоже, поэт Владимир Семакин, редактировавший книгу, хорошо понимал, что поэзия – не только то, что в строках, но и то, что за ними.

Каждая страница в сборнике – ступенька в глубочайший внутренний мир Николая Рубцова. До сих пор многие склонны причислять его к поэтам чисто лирическим, камерным. Но вот третье по порядку стихотворение – “Русский огонек”.

*Огнем, враждой  
Земля полным-полна,  
И близких всех душа не позабудет...  
— Скажи, родимый,  
Будет ли война? —  
И я сказал: — Наверное, не будет.*

Ни одного громкого слова, а какая точная и емкая картина! И строки, ставшие уже крылатыми:

*За все добро расплатимся добром,  
За всю любовь расплатимся любовью...*

Уже несколько стихов достаточно было, чтобы с удивленной радостью понять, что судьба сделала тебе огромный подарок. Такого ощущения не было (да и только ли у меня?) со времени встречи с поэзией Есенина.

Почти о каждом произведении в сборнике можно говорить отдельно с искренним интересом и чувством благодарности. Но еще одно невозможно не вспомнить. Весь размах души поэта, вся глубина памяти и энергия творческой силы не вылились даже, а выхлестнулись как весенняя река из берегов, – в знаменитом уже “Я буду скакать по холмам задремавшей отчизны...”. А музыка, которая так органична всей поэзии Рубцова, достигает здесь поистине симфонической мощи. И “таинственный” всадник, что скрылся в тумане полей, будто перелетел с картины Чюрлениса на книжную страницу. Такая перекличка – и музыкальная и образная – может быть только у художника, вставшего вровень с большим искусством. И вот последние страницы сборника. И снова стихи с грустинкой, – тонкой, элегической, присущей только Рубцову, далекой от унылости, но какой-то очень щемящей.

*Спасибо, ветер! Твой слышу стон.  
Как облегчает, как мучит он!  
Спасибо, ветер! Я слышу, слышу!  
Я сам покинул родную крышу...*

Цельная, сюжетно законченная книга. Это и радует, и тревожит почему-то...

– Кто он такой? Где живет, в каком городе? Сколько ему лет? – с этими вопросами кинулась я в перерыве к сокурсникам.

– Как кто? Да студент. Двумя курсами выше.

– Неужели? Покажете как-нибудь?

Книга, естественно, также исчезла из моих рук, как и появилась. Студент... Значит, свой парень. Попрошу подарить... Потом, будто испугавшись собственной смелости: какой там парень! Большой поэт, а я... Пыталась вообразить будущую встречу, но для этого надо было представить его, и не

только внешне. Вспоминалось почти античное: “Меж болотных стволов красовался восток огнеликий... Вот наступит октябрь — и покажутся вдруг журавли!...” — и рисовался статный облик уверенного в себе и в жизни человека. И рядом: “Боюсь я, боюсь я, как вольная сильная птица, Разбить свои крылья и больше не видеть чудес!” А уж это и совсем другое: “В минуты музыки печальной не говорите ни о чем...”. Грустный, тихий человек? Тогда о ком же это: “Как под гибким телом Азамата, Подо мною взвился б аргамак!” И почти веселое: “Я забыл, как лошадь запрягают. И хочу ее позапрягать...”. И в конце: “А потом выкал бы важно вилку Поросенку жареному в бок...”.

Окончательно сбившись в догадках, решила положиться на волю судьбы. И вот — общежитие института. Кто-то из однокурсников показывает в коридоре: “Вон видишь, навстречу идет? Рубцов!” И оставляет одну. От неожиданности я встала. До сих пор помню, как вихрь противоречий охватил меня. “Как, вот этот — угрюмый, в серой, выдавшей вида, одежде... почти без волос... непонятный какой-то — и есть Рубцов? Обманули, должно быть...”.

Но бежать было некуда. Уже заметили меня его темные внимательные глаза, и чем ближе он подходил, тем больше я видела в нем поэта — того самого, и не могла сделать ни шага — уже от волнения. Будь что будет!

— Извините, Николай... Михайлович...

Он остановился.

— Я прочитала вашу “Звезду полей”, в магазинах ее уже нет...

— А-а, — неожиданно улыбнулся, да так простодушно, открыто, что мне сразу стало легко. — Я не уверен, что у меня самого она еще есть. Разобрали, — и почти удивленно развел руками. И опять улыбнувшись: — Ну, я пойду...

— Конечно, — сказала я торопливо и растерянно: так быстро все произошло. Было и радостно, и чуть обидно.

Другой раз я увидела Николая в комнате товарищей курсом выше. Он сидел на кровати в сандалиях на босу ногу, в руках держал гитару. Но не пел, а только тербил струны да покачивал в такт ногой. И, кажется, никого не видел. Ребята не беспокоили его.

Надо ли говорить, что с тех пор я не пропускала ни одной публикации, рассказывая в Кирове встречным и поперечным о поэте Рубцове, наизусть читая его стихи. Иногда свои выступления по линии Бюро пропаганды полностью посвящала его творчеству, чувствуя себя счастливой оттого, что поэт становился близким и дорогим все новым и новым читателям...

И вот январский морозный день. В зале периодики областной библиотеки имени Герцена всегда много народу, а вечером тем более. Открываю газету — и перед глазами чернеют скорбные строки о Поэте. Не успеваю даже взять себя в руки — слезы застилают глаза, падают на газету. Встаю под недоуменными взглядами, отхожу к окну, долго смотрю на заснеженный город, заставляя себя успокоиться. А в сознании уже звучат короткие скупые строки:

*Я обязательно приеду  
Хорошим днем в твои края,  
Отдам поклон зиме и лету,  
Всю эту даль боготворя,  
Всю эту быль и эту небыль,  
Где наравне — талант и труд,  
Где ты навек сроднился с небом  
И где нашел себе приют...*

## 2

Но, как известно, человек предполагает, а судьба диктует свое. И только через несколько лет удалось побывать там, где рос, учился и жил Николай Михайлович. К радостному удивлению, открыла, что места эти сродни вятским, и не случайно. Плыли мы по Сухоне на северо-восток. Оттуда до моего любимого Подосиновского района рукой подать, и село Никольское до невероятности похоже на село Утманово, где живет много добрых и талантливых вятских людей. Оживали строки и целые стихи поэта. Несмотря на непогоду, гости из разных уголков страны не уходили внутрь в кубрики, молча причаща-

лись той неброской красоте, что так тонко и глубоко воспел Рубцов. А вечером звучали песни на его стихи (оказывается, их очень много), вспоминались страницы его биографии.

Подолгу в эти дни на капитанском мостике простаивал Василий Белов, глядя на пологие, тронутые скупым осенним солнцем, берега. Ольга Фокина и Александр Романов рассказывали гостям о дружбе с Рубцовым, и каждый новый штрих был дорог и весом. Накапливали новый материал вологодские художники — те, что не только берегут память о Поэте, но и прекрасно оформляют его книги. Небольшой теплоход не смог взять на борт всех желающих принять участие в мероприятиях, посвященных 50-летию Поэта. Важнейшим из них было открытие памятника Николаю Рубцову в Тотьме. Знакомство со скульптором Вячеславом Клыковым для многих тоже стало событием. А на встречах с читателями, проходивших и в селе Никольском, и в Тотьме, — мы еще раз убедились, как любят здесь его поэзию, как с каждым годом растет число почитателей этого доброго и большого таланта. О том же говорят и тысячи писем, и ценные документы биографии Поэта, летящие со всех концов страны в Тотьму и Никольское, и постоянные издания его стихов, не дремлющие на полках магазинов, и все большее число как молодых, так и вставших на ноги поэтов, для которых Николай Рубцов — эталон истинной поэзии, мастер и друг. На обратном пути, задержавшись в Вологде, читала вечерами “Воспоминания о Рубцове” — книгу, сразу ставшую редкостью. Если бы половину слов, сказанных в ней, он услышал при жизни! Он, испивший не только горечь превратностей судьбы, но и боль непонимания, знавший жало сплетни и тиски одиночества... Память снова возвращалась к могиле Поэта. Будто сами собой вылились на бумагу строки:

*...Что ж, город, у тебя свои рассветы  
И богатырский, скажем прямо, бег,  
Но ты не спас, а мог спасти поэта!  
И, как укор, ложится первый снег...  
Могильный камень ничего не помнит,  
Не разорвать сгустившуюся тьму, —  
Но пламенеет все-таки шиповник,  
И звезды откликаются ему!*

### 3

Прошло два десятка лет. Целая эпоха в жизни страны. Погорели многие литературные авторитеты, появились новые “звезды” — как истинные, так и зажженные на потребу дня. Последних куда больше. Но начинают по-настоящему оживать творческие союзы, и есть в них люди, могущие и имеющие право вести за собой. Слишком большую дань заплатили мы за эти годы раздора, слишком велико жертвоприношение, чтобы и впредь разбрасываться талантами. Думая о Николае Михайловиче, нельзя не помнить об этом... И все-таки какое счастье, что всегда можно взять с полки томик Рубцова, открыть наугад и никогда не ошибиться. Как постоять у иконы Иверской богоматери, нашей общей берегини.

*Божьей милостью чудный пиит  
Уж чиновничьих снов не нарушит.  
Но Россия поныне хранит  
Ту сиротскую нежную душу.*

*Вот и он прилепиться не смог  
К этой жизни, что бури листает, —  
И сорвался, как дуба листок,  
И летает меж нами, летает...*

С крутого берега родной ему реки Сухоны всматривается он и в новый день, и в нас: как-то мы любим Россию? Как-то воспринимается его поэзия сегодня? Впрочем, многочисленные издания его стихов в последние годы, несмотря на всю политическую свистопляску, говорят сами за себя. Хотя при

жизни у Рубцова вышли всего четыре небольшие книжки, НЕ был он отмечен ни премиями, ни достойным вниманием властей всех уровней – уже тогда многим было ясно, что это за поэт.

Николай Рубцов ушел и оставил в наследство, кроме щемящих душу стихов, – две проблемы. Одна: устарела ли такая поэзия в век компьютеров и виртуальной реальности? И вторая: прощать ли убийцу Поэта?

Первая проблема для людей, чей смысл жизни напрямую зависит от карьеры или в силу творческой несостоятельности, – как бы и не существует. Им по большому счету все равно, что будет с истинной духовностью, которая способна сберечь народ как великую нацию. Чем заумнее, чем рациональнее стихи – тем нынче моднее, престижнее, выгоднее во всех смыслах. Или чем смешнее, в крайнем случае.

Не поленитесь, дорогие читатели, загляните в ближайшую библиотеку. И поменьше верьте тем, кто мелькает за большие деньги на экранах. Верьте своему сердцу, и никогда не ошибетесь.

*...Скачут ли свадьбы в глуши потрясенного бора,  
Мчатся ли птицы, поднявшие крик над селеньем,  
Льетесь ли чудное пение детского хора, —  
О, моя жизнь! На душе не проходит волнение...  
Нет, не кляню я мелькнувшую мимо удачу,  
Нет, не жалею, что скоро пройдут пароходы.  
Что ж я стою у размытой дороги и плачу?  
Плачу о том, что прошли мои лучшие годы...  
“У размытой дороги”*

И, наконец, вторая, не менее серьезная проблема. По-христиански, та женщина должна быть прощена. Да, уточню я, если она искренне покаялась. Но вот что сказал об этом один из самых близких друзей Рубцова поэт Виктор Коротаев, бывший на суде: “Она защищалась обдуманно и хладнокровно. И странно: даже одного доброго слова не нашла для человека, рядом с которым прожила полтора года, даже тени раскаяния не выказала, доказывая, что не было у нее времени одуматься... Суд доказал – было время”. И еще. Людмила Дербина, та самая женщина, очень скоро обрела желанную свободу и не устает писать налево и направо о той трагедии все в том же духе. В свое время Николай Рубцов, по рассказам литераторов-вологжан, отказался дать ей рекомендацию в Союз писателей, не желая идти на сделку с совестью. Рискуя личными отношениями, он не смог предать Ее Величество Поэзию, и заплатил за это высокую цену. Сегодня эта женщина, по-видимому, наверстывает упущенное, издавая и так называемые “воспоминания”... Но я надеюсь, что мы не окажемся глупее тех потомков Дантеса, что не простили ему гибели далекого русского поэта с фамилией Пушкин. Не имеем права перед лицом России.

Именем Николая Рубцова названа улица в Вологде. Она такая же недлинная, как его жизненный путь. В городе Тотье, самом близком для поэта, его имя присвоено районной библиотеке. На его стихи написано немало песен. В Тотье и Вологде ему воздвигнуты памятники. Но главное – поэзия его живет и помогает жить нам, и это уже – навсегда. Как вот эти строки:

*...За нами шум и пыльные хвосты —  
Все улеглось! Одно осталось ясно —  
Что мир устроен грозно и прекрасно,  
Что легче там, где поле и цветы...*

И последнее: очень хочется, чтобы юбилей Николая Рубцова стал еще одним весомым шагом к истинной культуре, которой нынче так не хватает людям, заставил задуматься не только о будущем русской литературы, но и самой России.

**Валентина Коростелева**